DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.052-061

Н. А. Данилова*,
Е. В. Елагина**,
М. А. Григорьева***

Детерминированность проблем использования заключения эксперта в качестве доказательства ошибками, допускаемыми при подготовке, назначении и производстве судебных экспертиз

Аннотация. В статье анализируются ошибки, допускаемые правоприменителями при реализации различных видов специальных знаний на всех стадиях уголовного судопроизводства. Указанные недочеты дифференцированы на допускаемые при производстве следственных действий, в ходе которых изымались объекты, впоследствии представленные на экспертное исследование; при назначении судебных экспертиз; при производстве судебных экспертиз; при изучении заключения эксперта должностными лицами органов предварительного расследования и прокуратуры. При этом подобные ошибки периодически повторяются и множатся: судебные экспертизы, необходимость производства которых диктуется спецификой расследуемого преступления, сложившейся следственной ситуацией и обосновывается специально разработанными рекомендациями, не назначаются; поставленные перед экспертами вопросы не охватывают все обстоятельства, установление которых возможно лишь посредством привлечения лиц, сведущих в той или иной области специальных знаний, да и сами вопросы далеко не всегда имеют непосредственное отношение к специализации эксперта и виду экспертизы; наличие надлежащей квалификации у лица, привлеченного в качестве эксперта, не проверяется и др.
Не ставя перед собой задачу проанализировать все или большинство указанных ошибок, авторы обстоятельно рассматривают на конкретных примерах из судебно-следственной практики наиболее серьезные из их числа и приходят к выводу, что эффективность и результативность использования заключения

© Данилова Н. А., Елагина Е. В., Григорьева М. А., 2021

* *Данилова Наталья Алексеевна,* доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Литейный пр., д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191014
bobteyl@mail.ru

** *Елагина Елена Владимировна,* кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Литейный пр., д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191014
yelagina@bk.ru

*** *Григорьева Мария Александровна,* кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Литейный пр., д. 44, г. Санкт-Петербург, Россия, 191014
mgrek@inbox.ru

эксперта в доказывании возможна только при условии безукоризненного соблюдения должностными лицами органов предварительного расследования, судебными экспертами и руководителями судебно-экспертных учреждений требований уголовно-процессуального закона, Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности», ведомственных нормативных актов и криминалистических рекомендаций.
Ключевые слова: судебная экспертиза; заключение эксперта; признание доказательств недопустимыми; объекты экспертного исследования; следственные ошибки; экспертные ошибки.
Для цитирования: *Данилова Н. А., Елагина Е. В., Григорьева М. А.* Детерминированность проблем использования заключения эксперта в качестве доказательства ошибками, допускаемыми при подготовке, назначении и производстве судебных экспертиз // Lex russica. — 2021. — Т. 74. — № 11. — С. 52–61. — DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.052-061.

Determinism of the problems of Using the Expert'S Opinion as Evidence by Mistakes Made in the Preparation, Appointment and Production of Forensic Examinations

Natalia A. Danilova, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Law Institute (branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
pr. Liteiny, d. 44, St. Petersburg, Russia, 191014
bobteyl@mail.ru

Elena V. Elagina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
pr. Liteiny, d. 44, St. Petersburg, Russia, 191014
yelagina@bk.ru

Maria A. Grigorieva, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, St. Petersburg Law Institute (Branch), University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation
pr. Liteiny, d. 44, St. Petersburg, Russia, 191014
mgrek@inbox.ru

Abstract. The paper analyzes the errors committed by law enforcement officers in the implementation of various types of special knowledge at all stages of criminal proceedings. Shortcomings under consideration are differentiated into shortcomings committed in the production of investigative actions, during which objects were seized, subsequently presented for an expert examination, when forensic examinations are appointed, in the production of forensic examinations, when examining the expert's opinion by officials of the preliminary investigation bodies and the prosecutor's office. At the same time, such errors are periodically repeated and multiply: forensic examinations, the need for the production of which is caused by the specifics of the crime being investigated, the current investigative situation and, being justified by specially developed recommendations, are not scheduled; the questions posed to the experts do not cover all the circumstances the establishment of which is possible only through the involvement of persons knowledgeable in a particular area of special knowledge; the questions themselves are not always directly related to the expert's specialization and the type of examination; the presence of proper qualifications of a person involved as an expert is not verified, etc.
Without setting themselves the task of analyzing all or most of these errors, the authors thoroughly consider the most serious errors using specific examples from judicial investigative practice and they come to the conclusion that the effectiveness and efficiency of using the expert's conclusion in proving is possible only under the context of impeccable observance by officials of preliminary investigation bodies, forensic experts and heads of forensic institutions of the provisions of the Criminal Procedure Law, the Federal Law "On State Forensic Expert Activity", departmental regulations and forensic recommendations.
Keywords: forensic examination; expert opinion; recognition of evidence inadmissible; objects of expert research; investigative errors; expert errors.

Cite as: Danilova NA, Elagina EV, Grigorieva MA. Determinirovannost problem ispolzovaniya zaklyucheniya eksperta v kachestve dokazatelstva oshibkami, dopuskaemymi pri podgotovke, naznachenii i proizvodstve sudebnykh ekspertiz [Determinism of the problems of Using the Expert'S Opinion as Evidence by Mistakes Made in the Preparation, Appointment and Production of Forensic Examinations]. *Lex russica*.2021;74(11):52-61. DOI: 10.17803/1729-5920.2021.180.11.052-061. (In Russ., abstract in Eng.).

Проблемы, связанные с привлечением сведущих лиц на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в течение нескольких десятилетий находились под пристальным вниманием представителей как науки уголовно-процессуального права, так и криминалистики. Трудно найти научную публикацию, в которой не обращалось бы внимание на ошибки, допускаемые при реализации различных видов специальных знаний на всех стадиях уголовного судопроизводства. Казалось бы, за столь длительный период правоприменители должны были провести «работу над ошибками», однако «воз и ныне там», а ошибки не только не исправляются, а периодически повторяются и множатся: судебные экспертизы, необходимость производства которых диктуется спецификой расследуемого преступления, сложившейся следственной ситуацией и обосновывается специально разработанными рекомендациями, не назначаются; поставленные перед экспертами вопросы не охватывают все обстоятельства, установление которых возможно лишь посредством привлечения лиц, сведущих в той или иной области специальных знаний, да и сами вопросы далеко не всегда имеют непосредственное отношение к специализации эксперта и виду экспертизы; наличие надлежащей квалификации у лица, привлеченного в качестве эксперта, не проверяется и т.п.

Было бы несправедливым упрекать в неэффективности использования результатов судебных экспертиз только следователей и дознавателей, поскольку экспертами тоже вносится своя «лепта». Безусловно, число допускаемых ими упущений и ошибок существенно меньше, однако они также оказывают крайне негативное влияние на результаты предварительного расследования. Сложившаяся ситуация усугубляется тем, что ошибки следователей (дознавателей) и экспертов зачастую остаются за рамками внимания как надзирающих прокуроров, так и государственных обвинителей и, как следствие, выявляются уже в ходе судебного следствия. Сто́ит ли упоминать, что в случае назначения экспертизы при рассмотрении уголовного дела по существу выводы эксперта могут не совпадать с выводами эксперта, привлеченного в ходе предварительного расследования, что негативно отражается на доказательственной базе и существенно осложняет поддержание государственного обвинения.

Результаты анализа судебно-следственной практики дают основание для вывода, что указанные недочеты в работе следователей (дознавателей) и экспертов можно дифференцировать следующим образом:

— ошибки, допускаемые при производстве следственных действий, в ходе которых изымались объекты, впоследствии предоставленные на экспертное исследование;
— ошибки, допускаемые при назначении судебных экспертиз;
— ошибки, допускаемые при производстве судебных экспертиз;
— ошибки, допускаемые при изучении заключения эксперта.

Не ставя перед собой задачу проанализировать все или большинство указанных ошибок, рассмотрим на конкретных примерах из судебно-следственной практики, на наш взгляд, наиболее серьезные.

Ошибки, входящие в первую группу, сопряжены с нарушением норм уголовно-процессуального закона при производстве следственных действий и оформлении соответствующих протоколов. Речь идет об ошибках, а точнее о нарушениях требований уголовно-процессуального закона, влекущих признание недопустимым доказательством протокола конкретного следственного действия и признание недопустимыми всех полученных на основе его результатов иных доказательств, например заключения эксперта, проводившего исследование объектов, изъятых в ходе осмотра места происшествия, обыска, выемки; протоколов о признании исследованных объектов вещественными доказательствами и др. К числу таких ошибок относятся: составление протокола ненадлежащим лицом; неверное (неполное) указание места производства следственного действия; указание в протоколе различных следственных действий с одной и той же датой, временем их производства, с теми же понятыми и следователем (дознавателем), что формально свидетельствует об одновременном производ-

стве следственных действий. Так, в ходе работы одного из семинаров по обмену опытом, прошедшего в марте 2021 г. на потоке прокуроров городов и районов, обучающихся на факультете профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, одним из участников было сообщено, что прокуратурой города (отметим, далеко не крупного — население чуть больше 100 000 человек) в 2020 г. выявлено 16 случаев, когда по разным уголовным делам, находящимся в производстве одного дознавателя, отдельные следственные и процессуальные действия проводились в одну и ту же дату и время.

К этой же группе ошибок можно отнести и отсутствие в материалах уголовного дела сведений об изъятии материальных объектов, впоследствии направленных на судебно-экспертное исследование. Так, исходя из постановления о назначении трасологической экспертизы следов рук (дактилоскопической) эксперту были представлены дактилоскопические карты трупа К. и обвиняемого Р. Однако факт дактилоскопирования трупа К. не нашел отражения в материалах уголовного дела ни в протоколе осмотра места происшествия, ни в протоколе осмотра трупа. Равным образом в материалах уголовного дела отсутствовали сведения о дактилоскопировании обвиняемого Р. либо выемке его дактилоскопической карты в экспертном учреждении с указанием признаков, свидетельствующих о ее аутентичности. Таким образом, эксперту были представлены объекты, которые с формальной точки зрения не были изъяты в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, что и послужило основанием для признания заключения эксперта недопустимым доказательством.

К сожалению, ошибки, допущенные следователями (дознавателями) в ходе производства следственных действий, достаточно часто являются основанием для признания как протокола следственного действия, так и связанного с ним заключения эксперта недопустимыми доказательствами. Так, судом признан недопустимым доказательством протокол проверки показаний на месте обвиняемого С. При просмотре в ходе судебного следствия видеозаписи этого следственного действия было установлено, что в нарушение ч. 2 ст. 194 УПК РФ следователь *напоминал* обвиняемому С. о том, что он говорил на допросе и *частично вместо него демонстрировал* действия, которые подлежали проверке. Однако, поскольку впоследствии была назначена судебно-медицинская экспертиза с целью выяснения наличия (отсутствия) возможности образования телесных повреждений на теле потерпевшего при обстоятельствах, указанных С. в ходе проверки показаний на месте, заключение судебно-медицинского эксперта также было признано недопустимым доказательством.

Рассмотрим некоторые ошибки, допускаемые при назначении судебных экспертиз. В ходе расследования преступления, предусмотренного ст. 172 УК РФ («Незаконная банковская деятельность»), была назначена финансово-аналитическая экспертиза, которую проводил эксперт, имеющий высшее образование по специальности «товароведение и организация торговли непродовольственными товарами», квалификацию «товаровед высшей категории», свидетельство научно-исследовательской лаборатории судебной экспертизы о присвоении квалификации судебного эксперта с правом производства судебно-бухгалтерских экспертиз по специальности «8.2 исследование и анализ бухгалтерских операций хозяйственной деятельности в различных отраслях народного хозяйства», свидетельство о предоставлении права производства бухгалтерских экспертиз, стаж работы 20 лет, в том числе по экспертной специализации 15 лет. Наряду с вопросом относительно суммы полученного дохода, перед экспертом был поставлен вопрос: *«Относятся ли по своему экономическому содержанию операции, нашедшие отражение по расчетным счетам организаций, по лицевым счетам физических лиц, а также физических лиц, на которых были оформлены банковские карты для получения заработной платы и иных выплат от указанных организаций, к банковским, если да, то к каким именно и каков механизм их проведения?»*

В первую очередь необходимо отметить, что в соответствии с приказом Минюста России от 27.12.2012 № 237 «Об утверждении Перечня родов (видов) судебных экспертиз, выполняемых в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России, и Перечня экспертных специальностей, по которым представляется право самостоятельного производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Минюста России» такой вид судебной экспертизы, как финансово-аналитическая, отсутству-

ет. Несмотря на это, ее традиционно относят к классу судебно-экономических экспертиз и назначают с целью анализа финансового состояния хозяйствующего субъекта (его платежеспособности, финансовой устойчивости, ликвидности, эффективности хозяйственной деятельности, динамики расчетов с бюджетом и контрагентами, динамики развития за определенный период)[1]. Таким образом, по сути, речь идет о разновидности судебно-экономической экспертизы, которую должен проводить эксперт-экономист.

В этой связи вполне закономерен вопрос, почему эксперт, который, как указывалось выше, наделен правом производства судебно-бухгалтерских экспертиз по специальности «8.2 исследование и анализ бухгалтерских операций хозяйственной деятельности в различных отраслях народного хозяйства», проводил финансово-аналитическую экспертизу, а следователь и прокурор не обратили на это внимания? Вполне понятно, что в данном случае была допущена грубейшая ошибка — вид судебной экспертизы находится за пределами специальных знаний судебного эксперта.

Ситуация становится еще более запутанной, если обратить внимание на вопросы, которые были поставлены перед экспертом-бухгалтером. Вопрос, касающийся возможности отнесения операций, нашедших отражение на расчетных и лицевых счетах юридических и физических лиц, к банковским, исходя из их экономического содержания, по меньшей мере вызывает недоумение. Во-первых, в условиях рыночной экономики экономическое содержание любого вида предпринимательской деятельности, которая предполагает совершение множества различного рода хозяйственных операций, раскрывается в функциях этой деятельности. Основной из них является «общеэкономическая — эффективное использование факторов производства (совокупности материальных и нематериальных ресурсов) с целью получения выгоды (дохода, прибыли)»[2]. Следовательно, экономическое содержание любой хозяйственной операции, включая упомянутые выше, имеет конечной целью получение дохода. Во-вторых, недопустимо, на наш взгляд, через экономическое содержание указанных операций определять их правовую природу, то есть определять, являются ли они банковскими. В-третьих, если убрать из вопроса его экономическую составляющую, то налицо попытка следователя поставить на разрешение эксперта-бухгалтера правовой вопрос, суть которого сводится к попытке выяснить, являются ли банковскими операции, нашедшие отражение в расчетных и лицевых счетах конкретных физических и юридических лиц.

Еще большее недоумение вызывает вывод, сформулированный в заключении эксперта: *по своему экономическому содержанию операции, нашедшие отражение по счетам… относятся к банковским операциям, а именно операциям, перечисленным в п. 5 ст. 5 Закона от 27.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» — кассовое обслуживание физических и юридических лиц.*

Таким образом, как следователем, так и экспертом допущены грубейшие ошибки — постановка перед экспертом-бухгалтером правового вопроса (из области банковского права), закамуфлированного под вопрос из области экономики, и ответ эксперта на правовой вопрос, находящийся за рамками его специализации.

Нельзя обойти вниманием, что большинство правоприменителей не придают должного значения формулировкам вопросов, не беря на себя труд осознать, что вопрос фактически представляет собой формулировку «задания»

---

1 Подробнее об этом см.: *Безуглова Н. В.* Сущность финансово-аналитической экспертизы, ее цель и задачи // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Экономика и предпринимательство: теория и практика» (Пенза, 25 марта 2020 г.). Пенза, 2020. С. 122–125 ; *Власова Н. Ю.* Понятие и виды судебно-экономической экспертизы // Сборник статей XVII Международной научно-практической конференции «Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации» (Пенза, 25 февраля 2019 г.). Пенза, 2019. С. 62–64 ; *Кизилов А. Н.*, *Овчаренко О. В.* Особенности назначения и производства судебно-экономических экспертиз: судебная патентно-техническая и судебная финансово-аналитическая экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. 2012. № 3 (27). С. 208–211 ; *Ромицын В. В.* Некоторые особенности назначения и производства финансово-аналитических экспертиз // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. 2017. № 1 (11). С. 84–86.

2 *Сальников И. И.*, *Фирсова А. А.*, *Ганзиков С. А.* Экономическое содержание предпринимательской деятельности // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2021. № 1 (86). С. 259.

эксперту, который не должен «домысливать», что же требуется установить. В качестве яркой иллюстрации можно привести следующий пример: следователем на стадии предварительного расследования для доказывания фактов введения подсудимым пальцев рук в анальное отверстие потерпевшей, а также применения насилия к потерпевшей у подозреваемого были получены срезы ногтевых пластин и назначена судебно-медицинская экспертиза вещественных доказательств. В постановлении о назначении данной экспертизы был сформулирован вопрос о наличии в подногтевом содержимом подсудимого крови и частиц кожных покровов потерпевшей, без уточнения, что необходимо установить их региональное происхождение. Конечно же, стороной защиты в ходе судебного следствия на данный недочет было обращено внимание, но назначение дополнительной экспертизы с постановкой уточняющего вопроса оказалось невозможным, поскольку при проведении первой экспертизы подногтевое содержимое со срезов ногтевых пластин было смыто и исследовано.

Обратим внимание на то, что нередко лицо, инициирующее судебную экспертизу, в целях некоего профилактирования отрицательных или вероятных выводов эксперта старается сократить перечень вопросов, подлежащих разрешению, уповая на то, что законодателем в ч. 2 ст. 204 УПК РФ закреплена возможность проявления экспертом «экспертной инициативы», упуская из внимания, что дословная формулировка выглядит следующим образом: «Если при производстве судебной экспертизы эксперт установит обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, но по поводу которых ему не были поставлены вопросы, то он вправе указать на них в своем заключении». Очевидно, что речь идет именно о праве, а не об обязанности эксперта.

Еще одной достаточно частой ошибкой при назначении судебной экспертизы является указание в постановлении о назначении судебной экспертизы не всех объектов, представляемых для экспертного исследования. Разновидностью данной ошибки является направление недостающих объектов уже в ходе производства экспертизы без соответствующего процессуального оформления, что не позволяет подтвердить несомненность их происхождения и соблюдение процессуального порядка получения.

Например, согласно постановлению о назначении медико-криминалистической судебной экспертизы, эксперту предоставлены: блузка, горлышко от бутылки, два полотенца, нож. Однако исходя из содержания заключения эксперта при производстве экспертизы, наряду с указанными объектами, исследованию были подвергнуты три бумажные салфетки, изъятые в ходе осмотра места происшествия. В правоприменительной практике в данной ситуации принимаются различные решения:

— заключение эксперта признается недопустимым доказательством лишь в части (только в отношении тех объектов, которые не были предоставлены для экспертного исследования в установленном законом порядке);
— заключение эксперта признается недопустимым целиком и возникает необходимость назначения повторной экспертизы.

Полагаем, что верным является второй подход, поскольку доказательство не может быть признано недопустимым в части и эксперт, исследуя не представленные ему в установленном законом порядке объекты, вышел за рамки назначенного ему исследования. В отношении любых недостающих объектов, которые первоначально не были направлены в процессуальном порядке на экспертное исследование, разумеется, должна назначаться новая экспертиза.

Более сложную ситуацию, повлекшую отказ прокурора от поддержания государственного обвинения и прекращение уголовного дела по реабилитирующим основаниям, обусловила совокупность ошибок и недочетов, допущенных не только следователем, экспертами, но и руководителем судебно-экспертного учреждения. В ходе расследования причинения тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенного вследствие ненадлежащего исполнения врачом акушером-гинекологом А. своих профессиональных обязанностей, была назначена комиссионная судебно-медицинская экспертиза и дополнительная комиссионная судебно-медицинская экспертиза. К производству указанных экспертиз были привлечены врач — акушер-гинеколог, врач-неонатолог и заведующий отделением комплексных экспертиз ГБУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы».

Согласно выводам экспертов, образование родовой травмы зрелого плода (компрессионных переломов тел шейных позвонков) при проведении операции кесарева сечения обусловлено дефектом оказания медицинской помощи (нарушением техники извлечения плода). Последующее нарушение дыхания с развитием дыхательной недостаточности первой

степени, которые были зафиксированы через три часа после рождения ребенка, связаны именно с травмой шейного отдела позвоночника, что квалифицируется как тяжкий вред здоровью по признаку опасного для жизни (п. 6.1.6 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека (приложение к приказу Минздравсоцразвития РФ № 194н от 24.04.2008)).

Принимая во внимание, что А. ни в ходе предварительного расследования, ни при рассмотрении уголовного дела по существу вину по предъявленному обвинению не признавала, по ходатайству стороны защиты судом была назначена повторная комиссионная судебно-медицинская экспертиза. Помимо упомянутых выше специалистов, к производству экспертизы были привлечены следующие сведущие лица: профессор кафедры лучевой диагностики и лучевой терапии с курсом критической и респираторной медицины, а также врач-рентгенолог. Наряду с медицинской документацией, представленной при производстве первичной и дополнительной судебных экспертиз, экспертам были представлены рентгеновские снимки и история развития ребенка из поликлиники, а также протоколы допроса специалистов, в том числе врача-рентгенолога, который проводил первичное описание рентгеновских снимков.

Согласно выводам экспертов, проводивших повторную судебно-медицинскую экспертизу, в ходе анализа рентгенограмм шейного отдела позвоночника в боковых проекциях (полученных, когда возраст ребенка составлял 7 суток, 16 суток и 1 месяц 1 неделя) убедительных данных, свидетельствующих о компрессионном переломе, выявить не удалось. Кроме того, эксперты отметили, что при проведении всех трех рентгенологических исследований ребенка были нарушены требования к выполнению укладки новорожденного для проведения исследования при подозрении на натальную травму. Выводы первичной и дополнительной судебно-медицинских экспертиз, вероятно, связаны с вышеуказанными нарушениями при выполнении укладки ребенка в процессе рентгенологического исследования. Для подтверждения или исключения травмы в шейном отделе позвоночника и (или) спинного мозга требуется применение и других методов исследования, кроме рентгенографии (ультразвукового исследования и СКТ или МРТ), что выполнено не было. С учетом указанных обстоятельств комиссия экспертов однозначно не определила, что обусловило развитие у ребенка нарушения дыхания с развитием дыхательной недостаточности первой степени, зафиксированных через три часа после рождения, посчитав, что нельзя полностью исключить наличие внутриутробной гипоксии, которая могла на раннем неонатальном периоде привести к развитию синдрома дыхательных расстройств. Объективных медицинских данных, позволяющих достоверно высказаться о наличии травмы шейного отдела спинного мозга у ребенка, в представленной медицинской документации не установлено. В соответствии с действующими нормативными правовыми документами (п. 27 Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека), степень тяжести вреда, причиненного здоровью человека не определяется, если в медицинских документах не содержится достаточных сведений, в том числе результатов инструментальных методов исследований, без которых не представляется возможным судить о характере и степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека.

Таким образом, с одной стороны, дознавателем, во-первых, не была изъята и представлена экспертам медицинская документация, необходимая для проведения первичной и дополнительной судебно-медицинской экспертизы (как из больницы, в которой ребенок проходил лечение, так и из поликлиники, в которой он наблюдался), во-вторых, не установлено, наблюдался ли ребенок неврологом и ортопедом; не запрошены и не представлены рентгенологические снимки ребенка, в-третьих, перед экспертами, проводившими первичную и дополнительную комиссионные судебно-медицинские экспертизы, не был поставлен вопрос о необходимости привлечения к производству этих экспертиз врача рентгенолога. С другой стороны, ни руководитель государственного судебно-экспертного учреждения ГБУЗ «Бюро судебно-медицинской экспертизы», ни эксперт не реализовали в полной мере свои полномочия, предусмотренные Федеральным законом от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации». В данном случае речь идет о том, что руководителем государственного судебно-экспертного учреждения не выполнена обязанность поручать производство судебной экспертизы конкретному эксперту или комиссии экспертов данного учреждения, которые обладают специальными

знаниями в объеме, требуемом для ответов на поставленные вопросы, а также обеспечить контроль за полнотой и качеством проведенных исследований (ст. 14 указанного Федерального закона). Равным образом им не реализовано право ходатайствовать перед органом или лицом, назначившим судебную экспертизу, о включении в состав комиссии экспертов лиц, не работающих в данном учреждении, если их специальные знания необходимы для дачи заключения (ст. 15). Что касается эксперта, то им не реализовано право ходатайствовать перед руководителем государственного судебно-экспертного учреждения о привлечении к производству судебной экспертизы других экспертов, если это необходимо для проведения исследования и дачи заключения (ст. 17).

В свою очередь, дознавателем надлежащим образом не изучены заключения экспертов на предмет выяснения специализации экспертов. Дело в том, что экспертные исследования были выполнены врачами, имеющими специальность «акушерство и гинекология», «неонатология» и «судебная медицина», а для разрешения поставленных перед экспертами вопросов требовались более узкие специалисты — врачи-рентгенологи. Без надлежащей оценки остались сформулированные в заключении выводы (по первичной экспертизе) о том, что причинно-следственная связь между дефектами оказания медицинской помощи и состоянием здоровья ребенка не установлена. Так, отвечая на вопрос: «Имеются ли дефекты оказания медицинской помощи ребенку и в чем они выражались?», эксперты пришли к выводу, что при извлечении плода произошло образование травмы шейного отдела позвоночника — компрессионный прелом 3-го, 4-го шейных позвонков, что является дефектом оказания медицинской помощи. Отвечая на вопрос относительно диагноза у ребенка во время пребывания в медицинских учреждениях и наличия причинно-следственной связи между дефектами оказания медицинской помощи и состоянием здоровья ребенка, эксперты указали на наличие, наряду с компрессионным переломом шейных позвонков, гипоксически-травматического поражения центральной нервной системы и постгипоксической нефропатии, развитие которых обусловили внутриутробная гипоксия плода, патология беременности. Таким образом, эксперты не смогли прийти к однозначному выводу, что нарушение дыхания, зафиксированное у ребенка, явилось следствием полученных компрессионных переломов, полагая, что нарушение дыхания могло быть обусловлено и другими факторами.

Все указанные выше недостатки были выявлены в ходе судебного разбирательства, устранены путем допроса экспертов и проведения дополнительной комиссионной судебно-медицинской экспертизы, результаты которой, увы, не позволили государственному обвинителю поддерживать предъявленное А. обвинение.

Не менее показателен другой пример. Врач — акушер-гинеколог М. обвинялась в оказании услуг, не отвечающих требованиям безопасности здоровья, повлекших по неосторожности смерть потерпевшей Т. (п. «в» ч. 2 ст. 238 УК РФ). В основу предъявленного М. обвинения были положены выводы судебно-медицинских экспертов, которые государственный обвинитель поставил под сомнение, поскольку, во-первых, в заключении эксперта отсутствовали ссылки на порядки, стандарты и клинические рекомендации (протоколы лечения) оказания медицинской помощи, во-вторых, не были разграничены недостатки, допущенные на различных этапах оказания медицинской помощи Т. (догоспитальном и госпитальном), и их последствия, в-третьих, не выделены недостатки оказания медицинской помощи Т., допущенные именно подсудимой М., с установлением наличия (отсутствия) причинной связи каждого недостатка со смертью потерпевшей Т., в-четвертых, выводы судебно-медицинских экспертов противоречили имеющимся в уголовном деле заключениям специалистов и показаниям свидетелей.

Указанные обстоятельства послужили основанием для ходатайства государственного обвинителя о назначении повторной судебной экспертизы, в удовлетворении которого судом было отказано. В результате уголовное дело было возвращено прокурору для устранения нарушений, препятствующих его рассмотрению, по существу.

Аналогичная ситуация сложилась и по другому уголовному делу. Судом первой инстанции С. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. С., являясь врачом — анастезиологом-реаниматологом областной детской больницы, осуществляя лечение малолетней пациентки В., поступившей в экстренном порядке в отделение анестезиологии-реанимации с диагнозом «правосторонняя верхнедолевая сегментарная пневмония», не предвидя возможности наступ-

ления общественно опасных последствий в виде причинения пациентке смерти, хотя должен был и мог предвидеть наступление указанных последствий, ненадлежащим образом исполнил свои профессиональные обязанности, оказав В. медицинскую помощь несвоевременно и не в полном объеме. В результате состояние В. ухудшилось, в дальнейшем наступила ее смерть от двусторонней долевой пневмонии с поражением верхних и нижних долей, абсцедированием верхней доли справа, фибринозно-гнойного плеврита справа, гнойного бронхита.

Суд апелляционной инстанции обвинительный приговор отменил и вынес в отношении С. оправдательный приговор. При этом указал, что заключения комиссионной судебно-медицинской экспертизы и дополнительной комиссионной судебно-медицинской экспертизы выполнены с нарушением утвержденного директором ФГБУ «РЦСМЭ» Минздрава России 21.06.2017 Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы и установления причинно-следственных связей по факту неоказания или ненадлежащего оказания медицинской помощи. Экспертами не проанализировано соблюдение при оказании медицинской помощи пациенту порядков оказания медицинской помощи, стандартов медицинской помощи и клинических рекомендаций (протоколов лечения) по вопросам оказания медицинской помощи, разработанных и утвержденных в соответствии с ч. 2 ст. 76 Федерального закона от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации», не установлено наличие или отсутствие прямой причинной связи недостатка оказания медицинской помощи с наступившим неблагоприятным исходом по отношению к каждому выявленному недостатку. Вывод экспертов о благоприятном исходе при правильном оказании всего объема медицинских мероприятий носит лишь вероятный характер.

По ходатайству государственного обвинителя, судом апелляционной инстанции назначена и проведена повторная комплексная судебно-медицинская экспертиза. Согласно полученному заключению, в связи с отсутствием фактических данных, позволяющих достоверно определить танатогенез смерти (ввиду неполноты проведенного патологоанатомического исследования трупа В. и отсутствия данных патоморфологического исследования структур полости черепа), комиссия экспертов исключает возможность установления прямой причинно-следственной связи между дефектами, допущенными на этапе стационарного лечения, и смертью В.

В итоге суд пришел к выводу, что совокупность исследованных по уголовному делу доказательств подтверждает допущенные врачом — анестезиологом-реаниматологом С. недостатки при оказании медицинской помощи В.: во-первых, нарушения при составлении медицинской документации (при ведении реанимационной карты, малоинформативные записи дежурного реаниматолога, отсутствие врачебной комиссии при использовании препаратов вне официальных инструкций, неполное формулирование сопутствующего диагноза, отсутствие времени записи ЭКГ и пленки ЭКГ в истории болезни); во-вторых, нарушения при проведении обследования (не проведен осмотр пульмонологом в соответствии с требованиями Стандарта специализированной медицинской помощи при пневмонии тяжелой степени тяжести с осложнениями, утвержденного приказом Министерства здравоохранения РФ от 09.11.2012 № 741н). Учитывая, что развитие благоприятного исхода при исключении данных недостатков не установлено, а также не установлена прямая причинно-следственная связь между допущенными недостатками и смертью В., суд пришел к выводу об отсутствии в действиях С. состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Не имея возможности рассмотреть в рамках одной публикации все ошибки, недочеты и нарушения, допускаемые как при осуществлении деятельности, предшествующей производству судебной экспертизы, так и при ее производстве, завершим данную статью выводом, который, по мнению авторов, является безусловным: эффективность и результативность использования заключения эксперта в доказывании возможна только при условии безукоризненного соблюдения должностными лицами органов предварительного расследования, судебными экспертами и руководителями судебно-экспертных учреждений требований уголовно-процессуального закона, Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности», ведомственных нормативных актов и криминалистических рекомендаций.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Безуглова Н. В.* Сущность финансово-аналитической экспертизы, ее цель и задачи // Экономика и предпринимательство: теория и практика : сборник статей Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2020. — С. 122–125.
2. *Власова Н. Ю.* Понятие и виды судебно-экономической экспертизы // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации : сборник статей XVII Международной научно-практической конференции. — Пенза, 2019. — С. 62–64.
3. *Кизилов А. Н.*, *Овчаренко О. В.* Особенности назначения и производства судебно-экономических экспертиз: судебная патентно-техническая и судебная финансово-аналитическая экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. — 2012. — № 3 (27). — С. 208–211.
4. *Ромицын В. В.* Некоторые особенности назначения и производства финансово-аналитических экспертиз // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. — 2017. — № 1 (11). — С. 84–86.
5. *Сальников И. И.*, *Фирсова А. А.*, *Ганзиков С. А.* Экономическое содержание предпринимательской деятельности // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2021. — № 1 (86). — С. 256–264.

Материал поступил в редакцию 14 сентября 2021 г.

REFERENCES

1. Bezuglova NV. Sushchnost finansovo-analiticheskoy ekspertizy, ee tsel i zadachi [The essence of financial and analytical expertise, its purpose and objectives]. In: *Economics and entrepreneurship: theory and practice: collection of articles of the international scientific and practical conference*. Penza; 2020 (In Russ.).
2. Vlasova NYu. Ponyatie i vidy sudebno-ekonomicheskoy ekspertizy [The concept and types of forensic economic expertise]. In: *Modern jurisprudence: topical issues, achievements and innovations: a collection of articles of the 17th International Scientific and Practical Conference*. Penza; 2019 (In Russ.).
3. Kizilov AN, Ovcharenko OV. Osobennosti naznacheniya i proizvodstva sudebno-ekonomicheskikh ekspertiz: sudebnaya patentno-tekhnicheskaya i sudebnaya finansovo-analiticheskaya ekspertizy [Features of the appointment and production of forensic economic examinations: forensic patent-technical and forensic financial-analytical expertise]. *Theory and Practice of Forensic Examination*. 2012;3(27):208-211 (In Russ.).
4. Romitsyn VV. Nekotorye osobennosti naznacheniya i proizvodstva finansovo-analiticheskikh ekspertiz [Some features of the appointment and production of financial and analytical expertise]. *Bulletin of the Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*. 2017;1(11):84-86 (In Russ.).
5. Salnikov II, Firsova AA, Ganzikov SA. Ekonomicheskoe soderzhanie predprinimatelskoy deyatelnosti [Economic content of entrepreneurial activity]. *Herald of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*. 2021;1(86):256-264 (In Russ.).